

Нужна ли науке религия?

Роджер Триг

Резюме

Должна ли наука замкнуться сама в себе, признав, что за ее границами нет ничего реально существующего? Несмотря на кажущуюся самостоятельность науки и способность ее метода определять границы реальности, для существования науки все же необходим ряд серьезных философских допущений. Например, нужно признать упорядоченный и систематический характер природы, а также способность разума к познанию. Вера в Бога может легко объяснить и то, и другое с помощью рациональности Творца.

Всесилен ли разум?

Представление о науке как об абсолютно самостоятельном явлении прочно вошло в сознание современного человека. Никто сегодня не станет отрицать, что наука является высшим проявлением разума и не только вырабатывает объективные знания о действительности, но и определяет критерии объективности. Так как для существования науки ни религиозных, ни каких-либо других обоснований не требуется, наука практически неуязвима для критики и религия вынуждена отступать по мере расширения научных знаний. Людям религиозным остается надеяться только на то, что всегда найдутся факты, которые наука не в силах объяснить. Порой такие факты закладываются в фундамент веры, и это, в конечном итоге, подрывает ее. Ведь речь идет не о вмешательстве Бога, а о временной нехватке знаний с нашей стороны. Как только наука делает шаг вперед, здание веры, выстроенное на фундаменте якобы необъяснимых фактов, моментально рушится, а «Бог белых пятен» оказывается не у дел.

Непрерывное угасание веры было запечатлено в известном стихотворении «Дуврский берег» Мэтью Арнольда (Arnold), написанном в середине XIX века, то есть во времена, которые, по сравнению с нашим временем, можно назвать расцветом религии. Поэт сравнивает отступающее «море Веры» с величественным отливом близ дуврских утесов, говорит о его «далеком, тоскливом и протяжном реве». Эти строки, несмотря на хрестоматийность, сохранили образную силу. Разве стремительное развитие науки не привело к необратимому и неизбежному спаду веры? И разве отступление веры не похоже на величественное отступление полноводной стихии? Социологическое понятие секуляризации подразумевает схожий процесс. Общество, как утверждают социологи, эмансипируется от религии и постепенно вырабатывает светский взгляд на мир. Что бы ни предпринимала религия, процесс секуляризации неизбежен и необратим, и ведет к полному исчезновению всех религий. Однако можно отметить, что этот процесс характерен только для современной Западной Европы, а в других местах социальная реальность может быть иной,

Об авторе

Профессор философии в университете города Уорвика (Англия) Роджер Триг был первым председателем Британской философской ассоциации и первым президентом Британского общества философии религии (в настоящее время – вице-президент). Профессор Триг опубликовал ряд работ о взаимоотношениях науки, философии и религии, в частности: *Rationality and Science: Can Science*

Explain Everything? (Blackwell, 1993) и *Rationality and Religion: Does Faith Need Reason?* (Blackwell, 1998).

даже в таких странах, как США, где современная наука весьма влиятельна.

Может ли наука принять заботу Бога о творении, то есть действие в мире божественного промысла? Господствует мнение, что наука существует сама по себе, без всякого вмешательства извне. Являясь воплощением разума в чистом виде, она неустанно борется с религиозными предрассудками и невежеством на религиозной почве. Такое представление о науке уходит корнями в эпоху Просвещения XVIII века. Мир тогда представлялся бездушным механизмом, наука – ключом к пониманию его работы. Всякое упоминание о Боге в этой системе координат было чревато обвинениями в иррационализме. Вера в мощь человеческого разума стала в эпоху Просвещения почти безграничной, несмотря на то, что ни сама возможность разума и истины, ни упорядоченность и регулярность устройства исследуемого наукой мира в действительности не самоочевидны. Рациональность принимается нами как данный факт, и мы иногда почти обожествляем разум. Так, во времена Великой французской революции храмы переоборудовались в святилища разума. Рационализм и материализм, похоже, срослись друг с другом, и рационализм стал синонимом атеизма.

Хотя все в мире казалось подчиненным законам механики, люди, очевидно, могли наблюдать за этим механиз-

мом извне, чтобы понимать его. Ведь если предположить, что и человеческий разум – это тоже машина, пусть и очень сложная (наподобие сложно устроенного часового механизма), то, получается, что нет никакой объективной истины. Необходимость диктует нам, во что верить, какой бы нелепой эта вера ни была. Возьмем, к примеру, эволюцию: мы могли бы сказать, что в процессе естественного отбора человечество приходит к верованиям, которые обеспечивают выживание более многочисленного потомства. И религиозные верования могут относиться к этой категории. Такие мысленные построения зачастую производятся с целью хоть как-то разумно объяснить, почему ложные верования имеют столь широкое хождение, а это невозможно без веры в независимую мощь человеческого разума.

Так называемый постмодернизм оспаривает безграничную разумность мира, вера в которую стала неотъемлемой частью так называемого модернизма. Есть ли гарантии того, что все люди обладают одинаковой способностью мыслить и могут установить объективную истину? Будет ли эта истина истиной для всех без исключения? Нет, говорит постмодернизм, различия между эпохами и традициями непреодолимы. То, что в определенное время и в определенном месте называют истиной, будет в корне отличаться от того, что называется истиной в другое время и в другом месте. У каждого своя истина: нет ни универсальной способности человека к мышлению, ни передающейся из поколения в поколение истины, ни пронизывающей все этажи мироздания рациональности. Постмодернизм (не без претензии на истину в последней инстанции) закладывает бомбу под рациональное основание науки. В основе науки, как он утверждает, лежит не систематическая работа разума, а всего-навсего предрассудки определенной традиции. Поэтому следует говорить о «западной» науке или о «современной» науке, открытия которых – вовсе не открытия, а просто результат исторически обусловленных предположений.

Некоторые люди приветствовали то, что постмодернизм подорвал претензии науки – казалось, уж теперь-то религия вздохнет свободно: лишившись монополии на истину, наука не сможет критиковать религию. Оказалось, однако, что постмодернизм не собирается отдавать религии отобранное у науки право на знание. Верить в Бога стало так же бессмысленно, как заниматься наукой. Смысл и того, и другого был уничтожен. Единственное следствие – это взгляд на науку и религию как на различные системы верований, изолированные друг от друга. Они больше не конкурируют друг с другом: ни поддерживать, ни опровергать, ни утверждать что-либо друг о друге они больше не могут и должны оставить друг друга в покое.

Но, может быть, это размежевание систем верований имеет смысл? Многие ученые готовы отчасти согласиться с постмодернизмом, а именно, с тем, что у религии и науки нет точек соприкосновения. Но отказаться от претензий на истинность, перестать считать науку продуктом человеческого разума они не готовы. Наука предполагает, что стоит только доказать истинность какого-либо утверждения, оно становится истинным везде и на все времена. Научная истина остается истиной в Вашингтоне и Пекине, а физические законы действуют здесь и сейчас так же, как на краю вселенной и в момент ее рождения миллиарды лет назад.

Наука без религии? Религия без науки?

Биолог-эволюционист Стивен Джей Гулд, говоря о науке и религии, ввел в обиход понятие «непересекающихся магистерий»¹. Имелось в виду, что интересы науки и религии не пересекаются, и одна так сильно отличается от другой, что они не могут вступить в диалог. Иными словами, язык религии не может описать действительность так же, как язык науки. Наука точно фиксирует событие, тогда как религия ищет его причины. Наука и религия говорят на разных языках. Цели у них разные, поэтому и враждовать друг с другом они не могут.

Это абсолютное размежевание науки и религии устраивает тех, кто стремится запретить религии полемизировать с наукой, хотя и готов признать право религии заниматься своим делом. Такая точка зрения предполагает, что наука навсегда вышла из-под влияния церкви и не связана с толкованием Библии. Ученый освобождается от любых рассуждений богословского порядка – науке больше не надо ввязываться в драку с религией. Религия и наука идут разными путями, и их отчужденность прекрасно согласуется с принятым во всем мире отделением государства и церкви. Религия – дело частное, наука – общественное.

Постмодернизм не только держит науку и религию на безопасном расстоянии друг от друга, но и отказывает им обоим в праве отстаивать свое превосходство. Однако ученые не признают этого: они убеждены, что наука по-прежнему олицетворяет человеческий разум и что добытые ею знания объективны и установлены на все времена. Поэтому, если о ложности религии и не говорится прямо, то считается, что религия затрагивает те области человеческой жизни, на которые истина в ее буквальном, научном смысле не распространяется. В противоположность науке (которая занимается фактами) религия имеет дело с ценностями. Религия затрагивает смысл и цель человеческой жизни, а не пытается вступить в бесполезную полемику с наукой. Объективная истина целиком и полностью находится в ведении науки, религия же занимается частными вопросами. Иными словами, наука объективна, религия субъективна. Наука олицетворяет разум, религия – труднообъяснимую человеческую потребность верить. Наука объясняет, как устроен мир. Религия помогает нам найти свое место в мире. Поэтому наука – общественное дело, религия – частное.

Отказ признавать нефизическую реальность, возможно, и обусловил прогресс науки, но это не означает, что такой реальности нет и быть не может.

Безраздельно властвуя над истиной в материальном мире, наука полностью отстраняется от нематериального мира, что, по определению, исключает возможность сверхъестественного, божественного вмешательства в материальный мир (в том числе и возможность воплощения и воскресения, в истинность которых верит христианство). Отказ науки сотрудничать с религией неминуемо приводит к тому, что религия уже никак не может дополнить картину исследуемого наукой мира. Получается, что знание признается подлинным только после открытой научной экспертизы, проведенной при помощи наблюдения, измерения и опыта.

1 Gould, S.J. *Rocks of Ages*, New York: Ballantine (1999), p. 88. (Магистерией в Католической церкви называется учительская функция церкви – прим. пер.).

Наука, таким образом, стала мерилем объективного знания, истина устанавливается научными методами. Все, что лежит вне досягаемости науки, недоказуемо.

Отсюда всего шаг до позитивистского тезиса о бессмысленности всего, что нельзя проверить и доказать научным путем. В известной книге «Язык, истина и логика» философ-позитивист Альфред Айер утверждает, что «всякое суждение, которое имеет фактическое содержание, является эмпирической гипотезой»². Но на этом он не останавливается: «любая эмпирическая гипотеза должна быть релевантной какому-нибудь существующему или вероятному опыту». Отсюда следует, что любое метафизическое утверждение, лежащее за пределами чувственного опыта, строго говоря, бессмысленно и бессодержательно. Хотя от «логического позитивизма» уже давно отказалась даже физика (которой не обойтись без исследования теоретических сущностей), тем не менее, его влияние ощущается и сейчас, особенно в простодушных рассуждениях о том, что необходимо отделять строго установленные научные факты от их субъективных, туманных истолкований. Пусть религия не мешает науке устанавливать факты. Пусть каждый занимается своим делом и, разумеется, научная работа имеет рациональное основание, а вот религия пребывает в плену иррациональности.

Конечно, наука по определению является эмпирической дисциплиной, а ее метод – это эмпирический метод в буквальном смысле этого слова. О научном прогрессе не могло бы идти речи, если бы при отсутствии ясного и простого эмпирического объяснения наука, не раздумывая, кивала на сверхъестественные или магические силы. Необъяснимые явления легко объясняются при помощи фей и прячущихся в саду гномов. Современная наука сосредоточила внимание на физическом мире и ищет физические доказательства. Поэтому и мир рассматривается как закрытая автономная физическая система. С появлением квантовой механики стало ясно, что это всего лишь упрощение и что на уровне микромира есть онтологические провалы. Хотя легко предположить, что причинно обусловленные события всегда должны быть случайными, и их нельзя объяснить действием внешних факторов.

Безусловно, научный метод принес плоды. Наши знания о физическом мире и протекающих в нем процессах неустанно пополняются. Ясно, что для науки невозможна апелляция к сверхъестественным силам. Что из этого следует? Можно предположить, что любые суждения о Боге иррациональны, так как рациональные суждения могут быть произведены только в рамках науки. Равным образом можно предположить, что существуют естественные границы науки, и она не в силах осмыслить трансцендентные аспекты бытия.

Отказ признавать нефизическую реальность, возможно, и обусловил прогресс науки, но это не означает, что такой реальности нет и быть не может, или что не может быть божественного вмешательства в земные дела. Безусловно, для решения научных проблем ученым не следует прибегать к гномам и феям. Но и не следует сводить весь мир к физике и исключать логически допустимую возможность действия внешних факторов. Стоит только признать, что у всего на свете есть научное объяснение, как любое явление вне компетенции науки становится таким же сказочным, как феи. Парадокс заключается в том, что умеющая оперировать только

физическими объектами наука ограничила породивший ее разум одной его материальной стороной. Нужно признать, что наука как один из способов приобретения знаний имеет собственные ограничения, а вопрос о том, что такое действительность, остается открытым. Важно разделять проблемы эпистемологии (как мы получаем знания) и проблемы метафизики (что может быть познано). Если наука не может объяснить что-либо, из этого нельзя сразу, без тщательного рассмотрения, делать вывод, что этого не существует.

Нужен ли науке Бог?

Существование науки невозможно без определенных философских посылок, затрагивающих самую ее сущность. Например, нужно допустить, что мир во всем его многообразии все-таки существует и поэтому наука – не изощренные выдумки. Но этого явно недостаточно для того, чтобы отделить науку от других способов познания. Необходимо еще одно допущение: наука – это единственный источник знаний и за ее пределами нет ничего реально существующего. Это маленькое, но важное допущение оставило след в английском языке, где латинское слово *scientia* «знание» стало пониматься в узком смысле только как эмпирическое знание.

Поскольку деятельность науки дает ощутимые результаты, немногие открыто признают зыбкость ее философских оснований. Между тем, ни научные наблюдения, ни эксперименты, ни весь арсенал эмпирического знания не дают гарантий достоверности науки. Удивительно, с какой доверчивостью мы наделяем универсальным смыслом отдельные, хаотичные эксперименты и наблюдения. Мы допускаем, что каждый фрагмент действительности репрезентативен и идентичен любому другому, даже в самом удаленном уголке вселенной, хотя пресловутое «единообразие природы» недоказуемо в принципе, так как для научного наблюдения открывается лишь микроскопическая часть физического мира. Но мы продолжаем верить, что действие физических законов повсеместно, и поэтому мы способны судить о событиях, которые еще не произошли в природе. Мы верим, что, оттолкнувшись от опыта и идя по пути умозаключений, мы всегда сможем познать непознанное.

Наука может существовать только в упорядоченном мире, только в таком регулярном, закономерном мире, который доступен пониманию человеческого разума.

Наука в современную эпоху не возникла на пустом месте. Почему общепризнанная ныне необходимость обосновывать теоретические выводы результатами экспериментов сменила господствовавший ранее чисто спекулятивный подход? В какой-то момент ученые поняли, что их задача – не описывать (например, при помощи геометрии) идеальный мир, а исследовать реально существующий; росло понимание роли случая в физическом мире. Акт творения был свободным, у Бога не было строго заданного сценария. Законы природы, как считал Роберт Бойль, вытекали из свободной воли Бога, которую не ограничивали никакие внешние факторы. Поэтому и задача науки была переформулирована – силами человеческого разума постичь устройство свободно созданного мира. Но может ли человеческий разум при всей его слабости и несовершенстве справиться со столь сложной задачей? Такая возможность открывается только при условии рациональности мира и упорядоченности происходящих в нем процессов.

2 Ayer, A.J. *Language, Truth and Logic*, London: Gollancz, (2nd edn. 1946), p. 41.

Наука может существовать только в упорядоченном мире, только в таком регулярном, закономерном мире, который доступен пониманию человеческого разума. Соблюдены ли эти условия в нашем мире и как это доказать? В XVII столетии, во времена Ньютона и Бойля, считалось, что упорядоченность мира и закономерности, по которым он развивается, отражают рациональную природу создавшего их божественного разума. Считалось, что всякий разум проистекает от Бога и существует благодаря Ему. Созданный божественным разумом мир не может быть хаотическим; протекающие в нем процессы обусловлены божественной волей, а потому предсказуемы и упорядочены. Отождествляя Бога и логос в прологе своего Евангелия, Иоанн понимает под логосом не только слово или речь. В греческой философии логос связывался, прежде всего, с рациональностью и открытостью для понимания, которая свойственна природе. Отсюда «биология», то есть логос о живом, «теология», то есть логос о Боге. Благодаря этой свойственной природе разумности (которая есть не что иное, как отражение божественного разума) становится возможным научный поиск. Научная мысль возникает вследствие рационального устройства мира. Человек может мыслить, так как создан по образу и подобию Бога и наделен частицей божественного разума.

Мы видим, что толчком к развитию современной науки стало признание лежащей в основе мира рациональности, которая проистекает из источника всего разума. Если божественный Разум наполняет вселенную, а мы наделены его частью, значит, познание возможно и человек способен (пусть и не в полной мере) постичь устройство вселенной. Когда науку подкрепляет вера в Бога, решаются два неразрешимых вопроса. Во-первых, даже если проистекающие в природе процессы имеют некое объяснение, как доказать их регулярный характер? Во-вторых, почему человеческий разум способен постигать эти процессы? «Разум есть светильник Господень», гласил девиз философской и богословской школы, известной как «кембриджские платоники»³. Время расцвета этой школы неслучайно совпало с основанием Королевского научного общества⁴ после реставрации монархии в Великобритании. Человек, хоть и наделен разумом, считали кембриджские платоники, но прыгнуть выше головы не может. До Зиждителя мира ему далеко. Ведь, по сравнению с сиянием божественной мудрости, человеческий разум подобен крохотному светильнику, который испускает лишь тусклый, мерцающий свет. Но даже такой свет делает возможным познание. Пусть ошибки и заблуждения неизбежны, но созданный по образу и подобию Божьему человек способен (посредством науки и других способов познания) в тусклом свете разглядеть подлинное устройство мира. Как все, проистекающее от Бога, человеческий разум никогда не останется без Его заботы. Разум открывает человеку замысел Божий точно так же, как это делает христианское откровение. Кембриджский платонизм загладил антагонизм между приблизительным и неполным человеческим знанием и совершенным знанием идеального мира⁵. Высшая реальность запечатлена в нашем физическом мире, и от высшей формы бытия зависит упорядоченность земного мира, его смысл и устройство.

Получается, что современная наука в самом начале своего пути оттолкнулась от признания акта божественного творения, который обусловил свойственную миру рациональность.

В отличие от следующего поколения ученых, предтечи современной науки свято чтити разум и верили, что он связан с разумом Творца. Хотя разум и не дает ответы на все вопросы, но так как он дарован человеку свыше, мы смело можем на него опираться. И это защищает разум от любых постмодернистских нападков и идет вразрез с сугубо эмпирическим взглядом на разум позднего Просвещения, который исключал возможность сверхъестественного. Основатели современной науки были далеки от отождествления материализма и рационализма, полагая, что рационализм невозможен без сверхъестественной основы. Их вера в Бога дала им уверенность, что физический мир познаваем – при всей его сложности и огромных размерах. Наука не только обобщает имеющийся опыт, но и стремится дать достоверный прогноз наиболее вероятных событий. Описание дополняется предсказанием.

Получается, что современная наука в самом начале своего пути оттолкнулась от признания акта божественного творения, который обусловил свойственную миру рациональность. Каким образом наука собирается двигаться дальше, если она отказалась от этой краеугольной посылки? Почему мир настолько регулярен, что наука может обобщать опыт и судить об устройстве всей вселенной? Почему мир настолько рационален, что мы можем понять его? Почему даже максимально абстрактные математические формулы – плод человеческого разума – способны отображать явления природы? Без Бога невозможно дать науке точку отсчета, ибо Он – источник и основание всякого разума, и Он создал мир на рациональных основаниях. Но кому будет нужна наука, не имеющая точки отсчета? Окажется, что ее задача – механически обобщать свойства данной исторической эпохи предрассудки.

Идея рациональности, сведенная исключительно к принятой в науке методологии, устраняет возможность познания мира силами человеческого разума. На разум нельзя больше положиться. При разделении науки и религии грубо игнорируется то, что они имеют дело с одним и тем же миром, и подразумевается, что религия вообще его не описывает и потому, в отличие от науки, не может претендовать на обладание истиной.

Если мы отказываемся верить в сверхъестественные способности науки (которые чудесным образом взяли ни откуда) и ищем рациональное основание для нее, мы должны вспомнить, что в прошлом именно вера в Бога и Его творческие силы давала науке твердую философскую основу. Наука стремилась познать мир как божественное творение. В XVII веке, во время Бойля и Ньютона, наука не могла обойтись без веры Бога. В XVIII веке распространился другой взгляд на науку: стали думать, что она может существовать сама по себе. Современные нападки на рациональность показывают, что, существуя сама по себе, без легитимного основания, наука не сможет нормально развиваться⁶.

3 См. Taliaferro, C. & Teply, A.J. (eds.) *Cambridge Platonist Spirituality*, (Classics of Western Spirituality), New York: Paulist Press (2004).

4 Основано в 1660 г. – прим. пер.

5 См. третью статью из вышеназванного сборника.

6 Подробнее о влиянии материализма см. Trigg, R. *Philosophy Matters*, Oxford: Blackwell Publishing (2002). О роли религии в общественной жизни, особенно в свете влияния науки см. Trigg, R. *Religion in Public Life: Must Faith be Privatized?* Oxford: Oxford University Press (2007).

Фарадеевские доклады

Фарадеевские доклады публикуются Фарадеевским институтом по науке и религии (St Edmund's College, Cambridge, CB3 0BN, UK), благотворительной учебно-исследовательской организацией (www.faraday-institute.org). Этот доклад был переведен с английского Владимиром Ивановым под редакцией Алексея Бодрова. Мнения, выраженные в докладах, принадлежат авторам и не обязательно представляют взгляды института. В фарадеевских докладах рассматривается широкий спектр тем, связанных с взаимодействием науки и религии. Полный список фарадеевских докладов можно найти на сайте www.faraday-institute.org, где их можно бесплатно скачать в формате pdf.

Дата публикации: март 2011. © The Faraday Institute for Science and Religion.